

Научная статья

УДК 343.9

EDN: <https://elibrary.ru/XBRMWF>

ИПОН: 2007-0083-1/26-766

MOSURED: 77/27-005-2026-01-966

**К вопросу о детерминантах публичных действий,
побуждающих к совершению преступлений,
посягающих на территориальную целостность
Российской Федерации**

Андрей Игоревич Дмитриев

Международный юридический институт, Москва, Россия, andrey@up-leader.ru

Аннотация. Посвящена исследованию актуальной проблемы предупреждения публично совершаемых преступлений, направленных на побуждение широкого круга лиц к совершению посягательств на территориальную целостность Российской Федерации, связанной с выяснением причин и условий таких преступлений, полное представление о которых является одной из ключевых предпосылок совершенствования системы превентивных мер в данной области. Эта проблема рассмотрена с учетом ее взаимосвязи с криминологическими и уголовно-правовыми особенностями преступлений, предусмотренных ст. 205.2, 280, 282 Уголовного кодекса Российской Федерации, и недостатками существующей системы мер их предупреждения. Целью исследования является развитие теоретических представлений и получение нового знания о детерминантах преступлений, побуждающих других лиц к совершению противоправных действий, посягающих на территориальную целостность государства. Достижение данной цели обеспечено решением поставленных задач, состоящих, в частности, в выделении и рассмотрении комплекса детерминант таких публичных деяний, формировании обоснованных выводов и предложений относительно повышения эффективности их предупреждения. По результатам исследования сделан общий вывод о преобладании политических и нравственно-психологических детерминант совершения соответствующих публичных преступлений, минимизация которых может быть достигнута за счет развития общей и индивидуальной профилактической работы.

Ключевые слова: детерминанты преступлений, профилактика преступлений, публичные призывы, территориальная целостность Российской Федерации

Для цитирования: Дмитриев А. И. К вопросу о детерминантах публичных действий, побуждающих к совершению преступлений, посягающих на территориальную целостность Российской Федерации // Криминологический журнал. 2026. № 1. С. 70–75. EDN: XBRMWF.

Original article

**On the issue of determinants
of public actions that encourage the commission
of crimes that infringe on the territorial integrity
of the Russian Federation**

Andrey I. Dmitriev

International Law Institute, Moscow, Russia, andrey@up-leader.ru

Abstract. Is devoted to the study of the urgent problem of preventing publicly committed crimes aimed at encouraging a wide range of people to commit encroachments on the territorial integrity of the Russian Federation, related to clarifying the causes and conditions of such crimes, a complete understanding of which is one of the key

© Дмитриев А. И., 2026

prerequisites for improving the system of preventive measures in this area. This problem is considered taking into account its relationship with the criminological and criminal law features of crimes provided for in Art. 205.2, 280, 282 of the Criminal Code of the Russian Federation, and the shortcomings of the existing system of measures to prevent them. The purpose of the study is to develop theoretical concepts and gain new knowledge about the determinants of crimes that encourage others to commit illegal acts that infringe on the territorial integrity of the state. The achievement of this goal is ensured by solving the tasks set, which consist, in particular, in identifying and considering a set of determinants of such public acts, forming reasonable conclusions and proposals for improving the effectiveness of their prevention. Based on the results of the study, a general conclusion was drawn about the predominance of political, moral and psychological determinants of the commission of relevant public crimes, the minimization of which can be achieved through the development of general and individual preventive work.

Keywords: determinants of crime, crime prevention, public appeals, territorial integrity of the Russian Federation

For citation: Dmitriev A. I. On the issue of determinants of public actions that encourage the commission of crimes that infringe on the territorial integrity of the Russian Federation. *Criminological Journal*. 2026;(1):70–75. (In Russ.). EDN: XBRMWF.

Территориальная целостность, являющаяся одной из основ конституционного строя Российской Федерации, может подвергаться различным угрозам, в том числе в виде определенных преступлений, в круг которых, в частности, входят публично совершаемые деяния, побуждающие других людей к совершению противоправных посягательств на такую целостность. Данные публичные деяния, наказуемые по ст. 205.2, 280.1, 282 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), заключаются соответственно в публичных призывах к осуществлению террористической деятельности, включая насильственное изменение основ конституционного строя государства, в публичном оправдании такого изменения или в его пропаганде, а равно в публичных призывах к совершению действий, посягающих на территориальную целостность России либо в публичных действиях, направленных на возбуждение политической, идеологической, национальной и иной ненависти или вражды, унижение человеческого достоинства, в том числе посредством оправдания нарушений неприкосновенности территорий тех или иных стран.

Данные преступления, входящие в объем так называемого информационного экстремизма, включая его наиболее опасную часть — терроризм, воздействуют на широкий, неограниченный круг лиц, для увеличения которого, а также для сохранения своей условной анонимности и предполагаемой защищенности от потенциального уголовного преследования, виновные преимущественно действуют с использованием различных информационно-коммуникационных технологий, прежде всего, социальных сетей и других ресурсов сети «Интернет», мессенджеров [1, с. 776–778; 2, с. 51–56].

Лица, совершающие рассматриваемые преступления, адаптируются к целевой аудитории и текущим

условиям, учет которых позволяет увеличить потенциальный эффект, на который они рассчитывают. В зависимости от того, насколько приготовление и последующий процесс осуществления соответствующих деяний являются спланированными, организованными и профессиональными, их побуждающее воздействие по своим ожидаемым и реальным результатам отдалается от публичного подстрекательства либо, напротив, приближается к нему, отличаясь от этого вида соучастия в преступных посягательствах на территориальную целостность России отсутствием свойственной последнему конкретизации обстоятельств совершения преступлений, к совершению которых склоняют других лиц [3, с. 44–47; 4, с. 30–36; 5, 81–85]. Эта особенность исследуемых публичных действий, на наш взгляд, одновременно подчеркивает необходимость учитывать в рамках их предупреждения, что присущие им детерминанты связаны как с действиями виновных, так и с поведением других лиц, воспринимающих публично распространяемую информацию экстремистского (террористического) толка.

Согласно статистическим данным о судимости за публичные деяния, побуждающие к осуществлению террористической или иной экстремистской деятельности, в том числе затрагивающей территориальную целостность России, предусмотренные ст. 205.2, 280.1, 282 УК РФ, число лиц, ежегодно признаваемых виновными в таких уголовно наказуемых деяниях, не является значительным: в 2022 г. за эти преступления по основной и дополнительной квалификации было осуждено 369 лиц (по ст. 205.2 — 318, по ст. 280.1 — 0 и по ст. 282 УК РФ — 51 лицо), в 2023 г. — 413 лиц (по ст. 205.2 — 345, по ст. 280.1 — 0 и по ст. 282 УК РФ — 68 лиц); в 2024 г. — 509 лиц (по ст. 205.2 — 453, по ст. 280.1 — 1 и по ст. 282 УК РФ — 55 лиц) и в пер-

вом полугодии 2025 г. — лиц (по ст. 205.2 — 281, по ст. 280.1 — 0 и по ст. 282 УК РФ — 47 лиц) [11]. Вместе с тем считаем необходимым принимать во внимание, что каждое из этих преступлений, даже взятое в отдельности, потенциально способно побудить многих людей к различного рода противоправным посягательствам на территориальную целостность России или к другим проявлениям терроризма и экстремизма, в том числе к ретрансляции (репостам) соответствующих публичных призывов либо иной информации, пропагандирующей или оправдывающей данные посягательства.

Кроме того, по нашему мнению, следует учитывать присущие таким публичным действиям организованность и системность, а также продолжаемый и (или) длящийся характер осуществления, предполагающие длительное и практически непрерывное воздействие на сознание и волю многих людей, в особенности молодого возраста, активно пользующихся социальными сетями, мессенджерами, где размещаемая информация может быть доступной для восприятия, копирования, пересылки и (или) комментирования любое по продолжительности время, в том числе без каких-либо установленных пределов, что с учетом ее репостов может придавать этим деяниям «вечный» характер. В связи с этим представляется целесообразным в рамках индивидуальной или групповой профилактики противоправной активности в информационно-телекоммуникационных сетях подробнее освещать правовые последствия соответствующих публичных деяний, в том числе состоящие в потенциальной угрозе уголовного преследования, существующей в течение всего периода нахождения в сетях размещаемой в ней деструктивной информации, например, побуждающей к преступным посягательствам на территориальную целостность России.

Проведенное нами анкетирование 385 экспертов, осуществляющих практическую деятельность, в том числе судей, работников прокуратуры, следователей Следственного комитета РФ и МВД России, показало, что большинство респондентов признает основными политические (277 респондентов — 71,95 %) и духовно-нравственные (252 респондента — 66,23 %) детерминанты, по их мнению, в наибольшей степени, обуславливающие совершение публичных действий, побуждающих к преступным посягательствам на территориальную целостность России.

Политические детерминанты в информационном экстремизме, к которому относятся рассматриваемые публичные деяния, в настоящее время играют одну из ведущих ролей. В первую очередь это связано с масштабным геополитическим кризисом, длительное время протекающим на территории Украины и способствующим нарастанию политических разногласий, доходящих до ненависти и вражды, возвра-

щаемых и всячески поддерживаемых руководством и спецслужбами ряда недружественных по отношению к России стран. Эта ситуация существенно обострилась после начала специальной военной операции, при этом на текущий момент каких-либо весомых предпосылок для ее стабилизации и улучшения не наблюдается, что в полной мере характеризует и состояние международного сотрудничества в области противодействия преступности, в том числе по линии совместного противодействия терроризму и экстремизму, в значительной степени ухудшившегося или вовсе прекратившегося со странами, поддержавшими политику санкций в отношении России.

Этот геополитический кризис и сопутствующие ему негативные явления и процессы «выплеснули на поверхность» дестабилизирующую деятельность отдельных публичных лиц, сведения о которых постепенно пополняют реестр иностранных агентов [12]. Соответствующие лица преимущественно распространяют заведомо ложную, тенденциозно подбранную и (или) определенным образом оцениваемую и комментируемую информацию, касающуюся деятельности органов государственной власти России, принимаемых ими решений, деятельности Вооруженным Сил Российской Федерации, в особенности в контексте проводимой специальной военной операции. Такие действия, ориентированные на широкую аудиторию, как правило, сами по себе находятся на грани или за гранью нарушения соответствующих административно-правовых или уголовно-правовых запретов, в том числе предусмотренных ст. 205.2, 280.1, 282 УК РФ. Характерной особенностью деятельности лиц, признаваемых иностранными агентами, является ее осуществление при финансовой и иной поддержке иностранных государств, что, на наш взгляд, свидетельствует о системном и многоаспектном характере проводимой ими недружественной политики в отношении России, ориентированной на разобщение российского общества, разжигание в нем политической, идеологической, национальной, религиозной и иной ненависти и вражды, возникновение и разрастание сепаратистских настроений, а равно на склонение граждан и организаций к открытому или скрытому саботированию решений публичных органов власти.

Духовно-нравственный кризис, наметившийся после распада СССР и в полной мере развившийся в дальнейшем на фоне отказа от прежней государственной идеологии и отсутствия ее новой официальной альтернативы, также способствует распространению и восприятию опасных идей и взглядов, в частности, исходящих от международных террористических и экстремистских организаций, направленных на оправдание практики терроризма и экстремизма, вовлечение в таковые максимально возможного числа граждан. Именно данные преступные объедине-

ния аккумулируют и распространяют присущую им идеологию, пробуждая тем самым широкий круг лиц к самым различным криминальным действиям, в том числе посягающим на территориальную целостность России [6, с. 15].

Как подчеркивается в п. 23 Стратегии противодействия экстремизму в РФ [13], экстремистскими объединениями в своей противоправной деятельности активно используются факторы национального (этнического) и религиозного характера, с помощью которых не только пополняются их ряды, но и наращиваются усилия по возбуждению и усилению различных социальных конфликтов, основанных на разжигаемой межнациональной (межэтнической) и межконфессиональной ненависти или вражде, угрожающих территориальной целостности России. Ими актуализируются территориальные противоречия и конфликты по поводу отделения той или иной части территории государства, распространяются идеи «деколонизации» России, оказывается содействие внедрению деструктивных элементов в различные органы власти для последующего продвижения идей и взглядов сепаратистского толка.

Указанная организованная противоправная деятельность еще более активизировалась после присоединения к России новых регионов, ранее являвшихся частями территории Украины. При этом публичные действия, побуждающие к осуществлению различного рода посягательств на целостность конституционно закрепленной территории России, в особенности касающихся данных регионов, широко поддерживаются отдельными странами, пытающимися с помощью распространения соответствующей идеологии, а также финансирования террористических и экстремистских объединений дестабилизировать и разобщить российское общество, склонить граждан к противоправным действиям, посягающим на основы конституционного строя и безопасность России.

Рассмотренные детерминанты получают свое развитие в конкретных публичных преступлениях, побуждающих к нарушениям территориальной целостности России, при наличии ряда условий, хотя и не относящихся к категории детерминант данных уголовно наказуемых деяний, но тем не менее способствующих сохранению, усилению и приумножению предпосылок для рассматриваемой криминальной активности. Речь идет в первую очередь о существовании и генезисе информационно-коммуникационных технологий и основанного на их использовании информационного общества, в котором те или иные сведения преимущественно передаются и воспринимаются с использованием различных информационно-коммуникационных и мультимедийных технологий. Этот тренд в полной мере проявляется и в преступлениях, относящихся к информационному экстремизму, в том

числе к его террористической части. С течением времени совершение таких деяний с использованием сети «Интернет» или других информационно-телекоммуникационных сетей приобрело значение типичного, наиболее распространенного способа осуществления таких посягательств. Например, в 2022 г. доля лиц, осужденных за публичные призывы к террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или его пропаганду, привлеченных к уголовной ответственности с учетом данного способа по ч. 2 ст. 205.2 УК РФ, составила 83,02 %, в 2023 г. — 89,86 %, в 2024 г. — 88,08 % и в первые 6 месяцев 2025 г. — 93,24 %.

Благоприятные условия для осуществления публичных действий, побуждающих к посягательствам на территориальную целостность, формируются и вследствие недостаточной эффективности соответствующей превентивной деятельности, в том числе касающейся мониторинга сети «Интернет», своевременного и полного ограничения доступа к сайтам и иным ресурсам, содержащим деструктивную информацию, в том числе побуждающую к посягательствам на территориальную целостность России. Имеются и недостатки в регламентации уголовной ответственности за рассматриваемые преступления [7, с. 35–37], в том числе заключающиеся во введении и сохранении административной преюдиции в ст. 280.1 УК РФ, предопределившей практически полную аномию данного уголовно-правового запрета. Позитивным, но не полностью реализованным направлением развития уголовного законодательства считаем частичное исключение административной преюдиции из ч. 1 ст. 282 УК РФ, после чего ответственность за возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства стала наступать и в случаях однократного совершения данных публичных действий, если они были связаны с оправданием или пропагандой насилия либо угрозы его применения [14].

Отметим также, что выделенные выше особенности публичных действий, побуждающих к осуществлению преступных посягательств на территориальную целостность России, обуславливают их самодетерминацию, присущую преступлениям террористической и экстремистской направленности в целом [8, с. 161–164]. В особенности это свойственно таким уголовно наказуемым деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий, когда размещение той или иной информации, отражающей террористическую или иную экстремистскую идеологию, в том числе побуждающей к соответствующей противоправной деятельности, связанной с посягательствами на территориальную целостность России, другие основы конституционного строя и иные правоохраняемые интересы, запускает некую цепную реакцию, проявляющуюся, в частности, в репостах или иной ретрансляции такой

информации, то есть к совершению новых преступлений террористической или экстремистской направленности [9, с. 77; 10, с. 3–4].

Таким образом, в системе детерминант публично совершаемых преступлений, пробуждающих граждан к противоправным посягательствам на территориальную целостность Российской Федерации, превалируют детерминанты политического и духовно-нравственного характера, образующие основу для формирования и проявления других детерминант данных уголовно наказуемых деяний, чему также способствуют развивающиеся информационно-коммуникационные технологии и связанное с ними информационное общество, а также недостатки в законодательной и правоприменительной деятельности, вызванные, в частности, их отставанием от генезиса общественных отношений. В связи с этим предупреждение данных преступлений должно иметь системный, комплексный и непрерывно развивающийся характер, учитывающий современные реалии и тенденции в области противодействия террористическим и иным экстремистским угрозам территориальной целостности России.

Список источников

1. Иванцов С. В. Актуальные проблемы совершенствования системы мер криминологического предупреждения преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // *Всероссийский криминологический журнал*. 2018. Т. 12. № 16. С. 776–784.
2. Иванцов С. В. Актуальные вопросы уголовно-правового противодействия распространению экстремистской идеологии в Российской Федерации // *Научный портал МВД России*. 2022. № 2. С. 50–57.
3. Борисов С. В. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации // *Юридическая наука*. 2014. № 4. С. 44–49.
4. Глухов Е. А. Публичное оправдание терроризма: направленность умысла, целей и самооценка со стороны преступника // *Уголовное право*. 2024. № 9. С. 30–40.
5. Кунашев А. А. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма: уголовно-правовой анализ и вопросы квалификации // *Уголовное право*. 2018. № 6. С. 81–89.
6. Пихов А. Х.-А. Теоретические основы противодействия транснациональной преступности: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2018.
7. Тарима А. А. Транснациональные преступления экстремистской направленности и вопросы их самодетерминации // *Судебная экспертиза и исследования*. 2024. № 4. С. 161–165.
8. Авдеев В. А. Современные тенденции реализации правовой политики Российской Федерации по обеспечению общественной и государственной безопасности в контексте противодействия терроризму и экстремизму // *Российский судья*. 2023. № 10. С. 35–39.
9. Борисов С. В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2012.
10. Борисов С. В., Жеребченко А. В. Возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства: проблемы установления и реализации уголовной ответственности: монография. М. : Юриспруденция, 2015.
11. Данные судебной статистики // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>
12. Реестр иностранных агентов // URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-inostryannykh-agentov/#>
13. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 28 декабря 2024 г. № 1124) // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2024. № 53 (ч. I). Ст. 8669.
14. Федеральный закон от 24 июня 2025 г. № 173-ФЗ «О внесении изменений в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2025. № 26 (ч. I). Ст. 3503.

References

1. Ivantsov S. V., Borisov S. V., Uzembayeva G. I., Muzychuk T. L., Tishchenko Yu. Y. Actual problems of improving the system of measures for criminological prevention of extremist crimes committed using information and telecommunication networks // *All-Russian Journal of Criminology*. 2018. Vol. 12. No. 16. P. 776–784.
2. Ivantsov S. V. Actual issues of criminal law counteraction to the spread of extremist ideology in the Russian Federation // *Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022. No. 2. P. 50–57.
3. Borisov S. V. Criminal liability for public calls for actions aimed at violating the territorial integrity of the Russian Federation // *Legal Science*. 2014. No. 4. P. 44–49.

4. Glukhov E. A. Public justification of terrorism: orientation of intent, goals and self-assessment on the part of the criminal // Criminal Law. 2024. No. 9. P. 30–40.
5. Kunashev A. A. Public calls for terrorist activities, public justification of terrorism or propaganda of terrorism: criminal law analysis and qualification issues // Criminal Law. 2018. No. 6. P. 81–89.
6. Pikhov A. Kh.-A. Theoretical foundations of countering transnational crime: abstract of the diss. ... doctor of legal sciences. Krasnodar, 2018.
7. Tarima A. A. Transnational crimes of extremist orientation and issues of their self-determination // Forensic examination and research. 2024. No. 4. P. 161–165.
8. Avdeev V. A. Modern trends in the implementation of the legal policy of the Russian Federation to ensure public and state security in the context of countering terrorism and extremism // The Russian judge. 2023. No. 10. P. 35–39.
9. Borisov S. V. Crimes of extremist orientation: problems of legislation and law enforcement: diss. ... doctor of legal sciences. M., 2012.
10. Borisov S. V., Zhrebchenko A. V. Incitement of hatred, enmity, humiliation of human dignity: problems of establishing and implementing criminal responsibility: a monograph. M. : Jurisprudence, 2015.
11. Judicial statistics data // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>
12. Register of Foreign Agents // URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-inostryannykh-agentov/#>
13. Strategy for countering extremism in the Russian Federation (approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 1124 dated December 28, 2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2024. No. 53 (Part I). Art. 8669.
14. Federal Law No. 173-FZ dated June 24, 2025 «On Amendments to Article 282 The Criminal Code of the Russian Federation» // Collection of legislation of the Russian Federation. 2025. No. 26 (Part I). Art. 3503.

Информация об авторе

А. И. Дмитриев — аспирант Международного юридического института.

Information about the author

A. I. Dmitriev — Postgraduate student at the International Law Institute.

Статья поступила в редакцию 02.12.2025; одобрена после рецензирования 10.12.2025; принята к публикации 17.12.2025.

The article was submitted 02.12.2025; approved after reviewing 10.12.2025; accepted for publication 17.12.2025.